

ВОДНАЯ ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РОЛЬ РОССИИ, КИТАЯ И ИРАНА

А.Б. ЛИХАЧЕВА

Аспирантка НИУ ВШЭ

Ключевые слова: водно-энергетическая проблема Центральной Азии, гидрогегемония, Рогунская ГЭС, гидроэнергетика, Россия, Китай, Иран

Осенью 2012 г. впервые за весь постсоветский период выстраивание водно-энергетического баланса в Центральной Азии велось интенсивно. Конечно, ряд шагов для решения водной проблемы региона предпринимался и в течение прошедших 20 лет. Но только сейчас диалог на эту тему вышел за пределы пяти центральноазиатских республик - Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

Почему так произошло и почему именно в 2012 году?

Причин несколько.

Во-первых, у международного сообщества нарастает беспокойство по поводу ситуации в Афганистане, как она может сложиться после предстоящего вывода из этой страны контингента НАТО. Это усиливает внимание к положению в Центральной Азии, в целом, как к буферному, по сути, региону¹. А выстраивание водно-энергетического баланса - ключевой вопрос, определяющий устойчивость внутреннего положения в регионе.

Во-вторых, ныне четко выявилась потребность в дешевой гидроэнергии и для России, и для Китая. Ирану вода в больших объемах необходима для развития ядерной энергетики², поскольку именно эта отрасль - лидер по водопотреблению, ведь для охлаждения мощностей требуются колоссальные запасы воды.

На протяжении последних 20 лет все попытки урегулировать «водный» вопрос на внутрорегиональном уровне, либо с привле-

Объект исследования в данной статье - отношения между Россией, Китаем, Ираном и странами постсоветской Центральной Азии (ЦА) по ключевому для региона вопросу - выстраиванию водно-энергетического баланса. За рамками статьи остается водная ось Китай-Казахстан-Россия, поскольку в этом случае речь идет о едином международном бассейне (чья проблематика интересна сама по себе и достойна отдельного исследования).

чением третьей стороны, не заинтересованной напрямую в урегулировании проблемы, неминуемо проваливались (в 2000-х гг. очень активно участвовать в процессе пытались немецкие структуры во главе с GIZ - Немецким агентством по международному сотрудничеству). Но при отсутствии гегемона внутри бассейнов рек Амударьи и Сырдарьи прийти к консенсусу было попросту невозможно.

Каково содержание терминов «гегемон» и «гидрогегемон»? Основной разработчик концепции, британский ученый Марк Зейтун, так отвечает на этот вопрос: «Как напоминает нам Жерон Уорнер, в Греции, «гегемон» - это тот, кто показывает путь, факелоносец в незнакомой местности. «Доминирование» определяется как лидерство, подкрепленное принуждением. Для сравнения, «гегемония» - это лидерство, подкрепленное авторитетом. Успеш-

ная гегемонистская стратегия строится на согласии и подчинении, причем не столько за счет запугивания, сколько за счет эффективной смеси первого и второго»³. Причем нужно отметить, что гегемон может быть как неопасным, осуществляющим «позитивное» лидерство⁴, так и принуждающим, формирующим режим «под себя»⁵.

Роль гегемона в водном бассейне воспринимается двояко. Ряд экспертов убеждены, что его наличие априори ведет к неравномерному распределению воды в бассейне, негативно влияет на создание региональных режимов водопользования и крайне отрицательно воздействует на оформление договорных отношений между странами бассейна. В то же время отсутствие гегемона ведет, как правило, лишь к поддержанию статус-кво или хищническому водопользованию со стороны всех участников (пример озера Чад), а не создает площадку для кооперационных взаимодействий.

В сегодняшних условиях можно уверенно сказать: особая роль России и Китая в урегулировании водной проблемы в Центральной Азии при реализации любого крупного проекта в сфере гидроэнергетики объясняется вероятным финансированием России и/или Китая таких проектов, участием их компаний-подрядчиков и наличием широкого политического и экономического инструментария для влияния на все страны региона. Помимо всего прочего, эти две страны предъяв-

ляют устойчивый спрос на дешевую энергию новых станций, и именно они, в конечном итоге, могут стать гарантами их безопасности.

Таджикистан и Киргизия, расположенные в верховьях рек бассейна Аральского моря - Амударьи и Сырдарьи, несравнимо слабее стран-соседей, с экономической и демографической точек зрения. Более того, богатые водные ресурсы для Таджикистана оказываются практически единственным внешнеполитическим активом во взаимоотношениях с равнинными Узбекистаном и Туркменией, лежащими в нижнем течении Амударьи. Нельзя определенно говорить и о гегемоне в нижнем течении Сырдарьи: борьба за лидерство между Узбекистаном и Казахстаном далека от завершения.

**КОНЦЕПЦИЯ
ГИДРОГЕГЕМОНИИ**

По мере развития концепции гидрогегемонии ряд экспертов прямо указывают на необходимость замены в водных отношениях традиционной дилеммы «конфликт - сотрудничество» на термин «взаимодействие», т.к. подобная дихотомия приводит к искаженному восприятию любого конфликта как негативного явления, а любого сотрудничества как позитивного⁶. Исследование водных отношений в ряде бассейнов подтвердило, что в них, как правило, наблюдаются и конфликтные проявления, и действия, которые можно расценить как элементы сотрудничества. Нередки случаи, когда акт сотрудничества (подписание договора) скрывает недружественное навязывание гегемоном своей воли - тем самым глубинные противоречия только усиливаются и консервируются уже при помощи международного права.

Отчасти роль третьей стороны при урегулировании водных разногласий связана с особой ролью государства-гегемона: речь идет как о гегемоне внутри бассейна, так и о региональной силе. Говорить о глобальных гегемонах, регулирующих водные вопросы, пока не представляется возможным.

Особенно характерно отсутствие гегемона в бассейнах, на территории которых находится одно или несколько новых государств. Ситуацию в таких бассейнах всегда надо проверять на наличие внешнего гегемона, который может и не иметь к бассейну прямого отношения. Ярчайшим примером такого гегемона в XIX в. была Британская империя, напрямую влиявшая на распределение вод Нила между Египтом, Суданом и Эфиопией. Такого внешнего гегемона нужно отличать от заинтересованного посредника. Его деятельность может быть весьма успешной, но проходит совершенно иначе.

Классическим примером успешного участия третьей стороны на протяжении нескольких десятилетий считался опыт Всемирного банка (ВБ) при составлении соглашения по реке Инд (между Индией и Пакистаном). Однако в последнее время на фоне обострения индо-пакистанских противоречий возобновились опасения относительно непрочности этого договора.

Объективно успешным было посредничество Саудовской Аравии при урегулировании серьезного конфликта между Сирией и Ираком в 1975 г.

ООН стоит особняком, и его роль состоит больше в законодательстве и гуманитарных акциях, в связи с чем современная практика при медиации водных споров ориентируется, скорее, на государства-посредники или международные структуры (финансовые или НКО).

Анализ водной проблемы с позиции структурного реализма предполагает следующую матрицу решений. В случае, если государство-гегемон расположено вверху по течению, - конфликта нет, впрочем, диалога также, по сути, нет. В ситуации, когда государство-гегемон расположено внизу по течению, весьма вероятно формирование в международных договорах режима, разделения квот и фиксации норм, выгодных гегемону. При отсутствии гегемона - либо статус-кво, либо эскалация конфликтов. Именно поэтому успех водной кооперации, например, в Латинской Америке, большинство экспертов связывают с определяющей ролью Бразилии как регионального гегемона: пока Бразилия и Аргентина оспаривали лидерские позиции, регион не отличался ни сотрудничеством, ни даже уважением прав соседей при решении вопросов водопользования.

**«ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
ТУПИК» ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

Гегемона среди пяти центральноазиатских республик на данный момент назвать невозможно. И даже выделить доминирующую силу, поскольку каждая из стран имеет определенные ресурсы для сдерживания соседей.

Сравнение количественных показателей не вносит никакой ясности в анализ ситуации. Самыми крупными и по экономическим показателям, и по населению были и остаются «нижние» -

Таблица 1

**Динамика и прогноз численности населения пяти
центральноазиатских республик в 1992-2050 гг. (млн чел.)**

Население	1992	2002	2012	2050
Узбекистан	21,5	25,3	28,0	35,4
Казахстан	16,4	14,9	16,4	21,2
Таджикистан	5,5	6,3	7,1	10,7
Киргизия	4,5	5,0	5,5	7,8
Туркменистан	3,9	4,6	5,1	6,68
Центральная Азия	51,8	56,1	62,1	81,8

Источник: worldbank.data.org

Казахстан и Узбекистан (см. табл. 1). В то же время в географически более выгодной позиции находятся экономически отстающие и малонаселенные республики ЦА со значительной трудовой миграцией в Россию - Киргизия и Таджикистан. На фоне растущего интереса Китая к региону как к транзитному блоку на пути в Афганистан возможности республик ЦА для политических маневров возрастают.

Проблематика водных конфликтов широко обсуждается в научной и общественной литературе с конца 90-х гг. прошлого века, но о возможности в будущем международных водных войн эксперты сегодня говорят с большим сомнением. И, пожалуй, один из немногих регионов мира, где возможность войны за воду не только допускается, но и рассматривается как «рабочий вариант», - это Центральная Азия. Причин несколько, и главная среди них - не столько абсолютный дефицит воды, сколько неравномерность распределения ее и углеводородных ресурсов между странами региона, которые никогда раньше не сталкивались с подобной проблемой.

С необходимостью управлять суверенными энергосетями и национальным водным хозяйством Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения

впервые столкнулись после распада СССР: ранее вся экономика региона была выстроена и функционировала на базе Единой энергетической системы СССР. А затем страны региона разделились: на те, что богаты энергоресурсами (Казахстан, Узбекистан и Туркмения), но расположены на равнине в нижнем течении рек, и те, что богаты водой (Таджикистан и Киргизия с их колоссальными запасами ледниковой воды), но практически не имеют собственных углеводородных ресурсов⁷.

Казалось бы, это разделение должно было способствовать региональной торговле, развитию экономик и интеграции стран Центральной Азии. Однако оно завело водную проблему в тупик, где она находится и сейчас.

Природа этого тупика многослойна, и каждый из этих «пластов» сам по себе - сложная проблема международных отношений:

- конфликт «нижних» стран, которым вода требуется, прежде всего, для ирригации в весенне-летний период, и «верхних», которые в этот период накапливают ее в водохранилищах, чтобы зимой сбрасывать для производства электроэнергии⁸;

- конфликт «независимостей». Возникнув как суверенные государства менее 20 лет назад, стра-

ны Центральной Азии ревностно относятся к своему суверенитету, стараясь нивелировать влияние соседей и в то же время максимально на них влиять - в этом случае вода и газ оказываются подходящими политическими инструментами;

- конфликт режимов. Урегулирование проблемы явно требует формирования некой централизованной водно-энергетической системы региона. Но создание такой структуры означает делегирование части национальных полномочий, что для режимов Центральной Азии сегодня не представляется возможным;

- жесткие межэтнические противоречия практически между всеми народами региона. Разнонаправленные потоки этнических и экономических мигрантов, наличие этнических анклавов доводят ситуацию до того, что страны минируют границы по обе их стороны. Это фактически блокирует диалог по вопросу, который сегодня стал определяющим для развития региона;

- «болезнь роста». Сегодня экономики Центральной Азии находятся на аграрно-индустриальном уровне развития. В целом, регион характеризуется экономической отсталостью. Это означает, что экономический рост в странах региона будет сопровождаться ростом водо- и энергопо-

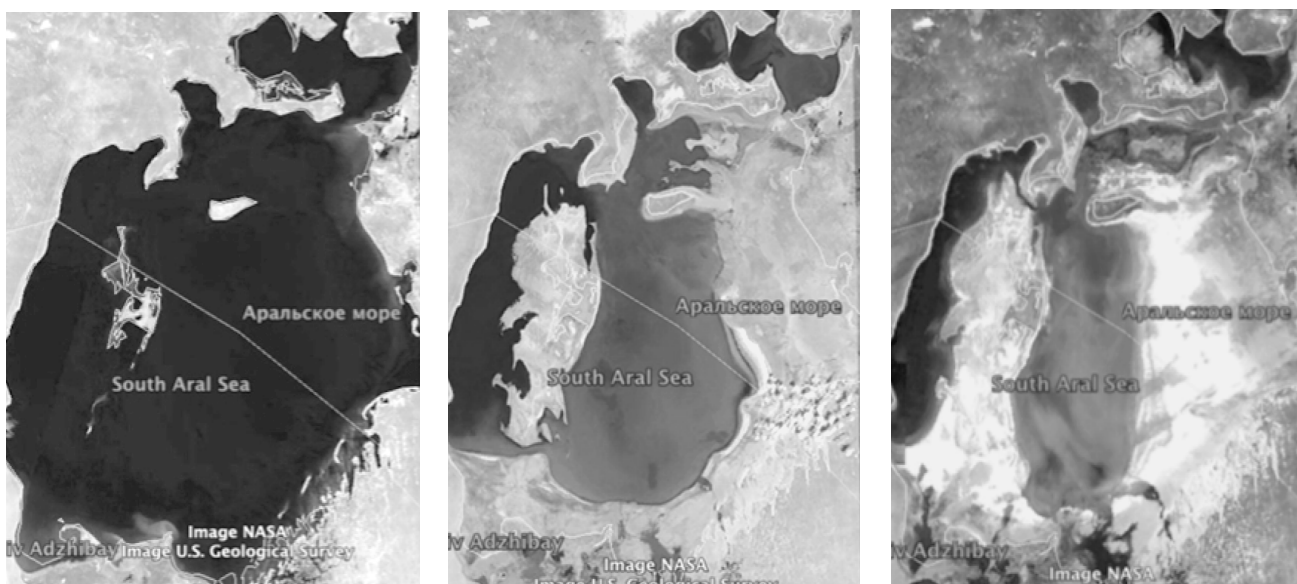

Рис. Деградация Аральского моря (слева направо) - 1973, 2000, 2012 гг.

Источник: Google Earth.

Таблица 2

Внешняя торговля стран Центральной Азии с Россией и Китаем в 2012 г. (\$ млрд)

	Импорт		Экспорт		Оборот	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
Казахстан	7,3	14,7	13,2	11,0	20,5	25,7
Киргизия	0,2	0,1	1,6	5,1	1,8	5,2
Таджикистан	0,1	0,1	0,7	1,8	0,7	1,9
Туркмения	0,2	8,7	2,2	1,8	1,3	10,4
Узбекистан	1,1	1,1	1,1	1,7	3,4	2,9
Центральная Азия	8,9	24,6	18,8	21,3	27,7	45,9

Источник: UNCTAD.

требления. По мере перемещения сельских жителей в города будет также расти спрос на воду - т.е. развитие региона непременно приведет к усугублению водно-энергетической проблемы.

В итоге, сложилась абсолютно тупиковая ситуация: с одной стороны, существуют идеальные условия для развития рынка, бартерного обмена, с другой - ни одна из сторон не желает этим заниматься. Проблема усугубляется общей напряженностью между странами, их нежеланием впадать в зависимость от стран-соседей, недоговороспособностью.

Помимо политических и экономических граней конфликта, есть в нем и экологическая составляющая: катастрофа Аральского моря продолжает влиять на регион. Деграляция экосистемы моря представлена на *рис.*

В дополнение к прямому эффекту воздействия этого процесса на прибрежные районы наблюдается засоление все больших территорий - ветер разносит соль вплоть до ледников Памира, что ускоряет их таяние. По оценкам гляциологов, объемы ледников сократились на четверть за вторую половину XX в., а к 2025 г. площадь ледников Таджикистана уменьшится еще на 20%, что приведет к сокращению ледникового стока на 25%⁹. Уже сегодня сток таджикских рек уменьшился на 7%. При этом антропогенная катастрофа разворачивается на фоне глобальных изменений климата, главный подтвержденный эф-

фект которых - тенденция к более длинным и холодным зимам и более жаркому и засушливому лету.

ВНЕШНИЕ ИГРОКИ

Очевидными внешними игроками для центральноазиатского региона являются Россия и Китай¹⁰. Менее очевидный игрок - Иран. Он распространяет свое влияние пока только на две страны региона - Таджикистан и Туркмению. Однако при включении в процесс решения водно-энергетической проблемы Центральной Азии всех этих трех игроков открываются новые грани проблемы.

Если представить проблему как модель, можно выделить три ее уровня.

Первый, наиболее изученный - отношения между пятью республиками. Именно на этом уровне проблема консервировалась последние 20 лет.

Второй уровень включает двусторонние отношения республик с соседями - Россией, Китаем и Ираном. Если же в нашем исследовании выходить за границы водно-энергетического дискурса, необходимо учесть США, Европейский Союз (ЕС), а в ближайшем будущем - добавить Индию и Афганистан. Этот уровень проблемы стал рассматриваться только в последние годы, по мере интенсификации двусторонних отношений.

Третий уровень - отношения между внешними гегемонами во-

круг Центральной Азии: в данном случае проблемный регион выступает уже не как субъект, а как объект международных отношений.

На сегодня эти три уровня можно разграничить и во времени. Межреспубликанские дискуссии были в центре внимания в прошлом, они продолжают играть свою роль. Но все пять республик довольно быстро переориентировались на многовекторную политику, направленную на взаимоотношения с внешними игроками и решение водно-энергетических проблем их руками или хотя бы под их гарантии.

Второй уровень - то, что находится в центре внимания сегодня и будет преобладать в среднесрочной перспективе. В Центральной Азии пока достаточно места для развертывания разных групп интересов, и в то же время Россия, Китай и Иран не обладают каждый в отдельности всей полнотой внешних ресурсов для комплексной реализации в регионе своих намерений.

Третий уровень - вопрос о будущем, который уже намечается (в значительно более широком контексте, нежели водно-энергетическая проблема)¹¹.

Как представляется, проблема состояла в том, что ни одно из трех государств - внешних игроков не намеревалось активно включиться в эту центральноазиатскую проблему, хотя их участие в экономике региона постепенно росло на протяжении всех 2000-х гг. (см. *табл. 2*).

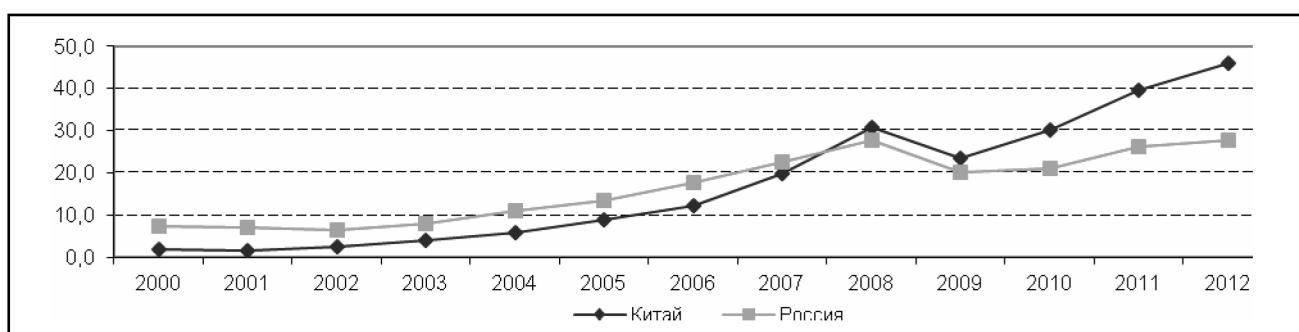

Диаграмма. Динамика оборота РФ и КНР с Центральной Азией за период 2000-2012 гг., \$ млрд.

Источник: UNCTAD.

С начала 2012 г. сразу несколько событий подтвердили начало нового этапа в развитии водной проблемы в Центральной Азии.

В 2012 г. окончательно оформилась новая экономическая роль Китая для региона, причем и в «верхних», и в «нижних» республиках.

В 2010 г. Китай впервые обошел ЕС и стал главным торговым партнером стран ЦА (с оборотом \$30 млрд)*. В 2012 г. торговый оборот Китая с Центральной Азией достиг рекордного значения за весь постсоветский период - \$45,9 млрд, превзойдя даже докризисный максимум (по итогам 2008 г., оборот составил \$30,8 млрд).

При этом отрицательный торговый баланс Китая со странами ЦА продолжает нарастать: рекордный импорт - \$24,6 млрд - превышает экспорт в регион - \$21,3 млрд, хотя еще в 2010 г. импорт не превышал \$13,5 млрд, заметно уступая экспорту - \$16,5 млрд.

Основная часть этого скачка приходится на Казахстан и Туркменистан: импорт из этих стран в КНР вырос за 2 года на \$3,6 и \$7,6 млрд, соответственно (достигнув \$14,7 и \$8,7 млрд, см. табл. 2). Стоит отметить, что если торговые потоки из Казахстана и раньше играли основную роль в торговле Китая с Центральной Азией (в 2010 г. на Казахстан пришлось 82% всего импорта из региона), то импорт топлива из Туркменистана за 2 года увеличился в 8,6 раза.

Что касается экспорта из Китая, главным покупателем китайских товаров по-прежнему остается Казахстан (с 2012 г. нужно говорить об экспорте в ЕвразЭс), из \$21,3 млрд на него приходится \$11,1, или 52%. Вторым партнером на протяжении многих лет остается Киргизия (\$5,07 млрд), а замыкала тройку лидеров в 2012 г. Туркменистан, с показателем в \$1,78 млрд.

Вплоть до 2008 г. Россия превосходила Китай по объему товарооборота с Центральной Азией, однако, начиная с 2008 г. (тогда Китай обогнал Россию на \$3 млрд), ситуация переменялась. Увеличивающийся разрыв между оборотами с РФ и КНР (в 2012 г. этот показатель достиг \$18,3 млрд) практически целиком приходится на прирост китайского импорта топлива.

На протяжении всего посткризисного периода Россия наращивала экспорт в Центральную Азию (основной прирост в абсолютном выражении пришелся на Казахстан), и в конце 2012 г. (\$18,8 млрд) сумела превзойти по данному показателю докризисный уровень. В то же время, объемы китайского экспорта начали расти только в 2011 г., и КНР так и не удалось компенсировать кризисный провал (в 2009 г. экспорт упал с \$22,6 млрд до \$16,6 млрд). Динамика упомянутых показателей представлена на диаграмме.

Если сравнивать участие России и Китая в экономиках «верхних» и «нижних» республик ЦА по итогам 2012 г., можно схематически представить это следующим образом. В части экспорта в

регион Россия стабильно обходит Китай в Казахстане и Туркмении, Китаю достаются Киргизия и Таджикистан. Узбекистан обычно закупал больше российских товаров, но в 2012 г. КНР продала на \$600 млн больше (подробнее см. табл. 2).

В части импорта ситуация практически обратная: Китай лидирует в Казахстане, Туркменистане и Таджикистане, а Россия - в Киргизии и Узбекистане. Если сравнивать объемы импорта по зонам влияния, то Китай покупает в «своих странах» на \$23,4 млрд, из которых \$14,7 млрд приходится на Казахстан, \$8,7 - на Туркменистан и \$0,1 - на Таджикистан (Россия импортирует из этих трех стран товаров на \$7,7 млрд), а Россия в «своих» - на \$1,4 млрд, из которых \$1,1 млрд составляет импорт из Узбекистана и \$0,2 - из Киргизии (Китай несильно уступает и закупает в указанных странах товаров на сумму в \$1,2 млрд). Соответственно, можно сказать, что в части импорта Китай лидирует на емких рынках с большим отрывом, а на малопривлекательных рынках Узбекистана, Таджикистана и Киргизии позиции России и Китая сопоставимы.

Иными словами, с точки зрения импорта, Китай безоговорочно лидирует в самых «ценных» странах. По части экспорта ситуация ближе к паритетной: на емкие рынки «нижних» стран Россия и Китай поставляют много, а вот в «верхних» странах лидерство Китая выражено сильнее, чем лидерство России в «нижних» странах.

На рынке прямых иностран-

* Здесь и далее данные UNCTAD, если не указано иное.

ных инвестиций (ПИИ) главным полюсом притяжения капитала остается Казахстан (его ПИИ с 2000 г. в среднем составляла 80%), главными инвесторами в 2012 г. выступали Нидерланды (1-е место), Китай (2-е место), Франция, Бельгия и Канада¹². Россия в первую пятерку не входит, а по совокупному объему инвестиций с 2005 г. занимает лишь 7-е место¹³.

Таким образом, России в меньшей степени удастся экономически сильно влиять на наиболее емкие рынки напрямую, что, однако, не ограничивает эффективность альтернативных инструментов: создание Таможенного Союза, Единого экономического пространства (ЕЭП), контроль через рынок рабочей силы и др.

ОСВОЕНИЕ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА «ВЕРХНИХ» РЕСПУБЛИК

Если импорт углеводородов из стран ЦА Китая уже удалось наладить, и база для запуска новых проектов создана, то пока практически нереализованы интересы Китая в сфере дешевой гидроэнергетики¹⁴. Свои услуги и значительный ресурсный потенциал готовы предложить и киргизские, и таджикские его соседи: в ходе визитов первых лиц обсуждению таких проектов уделяется повышенное внимание¹⁵. Для России вопрос водно-энергетического баланса в Центральной Азии также лежит в сфере налаживания гидроэнергетических проектов, что подтвердили последние шаги российского руководства.

Таджикистан стал последней центральноазиатской республикой, подписавшей демаркационные соглашения с Китаем в 2002 г. Согласно соглашению, Душанбе уступил Пекину более 1000 км² в горных районах Памира¹⁶. Парламент республики ратифицировал данное соглашение только в 2011 г. С 2010 г. Китай стал главным торговым партнером Таджикистана, на его долю приходится 33% всего внешне-торгового оборота республики. В то же время доля России умень-

шилась до 19%. При этом именно на долю Таджикистана приходится 2/3 всех займов, которые Китай выдает Центральной Азии. Более 80% китайских инвестиций идут в форме кредитов. Одним из результатов такой политики «дешевых кредитов» в 2010 г. стало более \$700 млн долга - треть всего долга Таджикистана приходится на Китай¹⁷.

Китай рассматривает Таджикистан как недостающее звено для налаживания полноценных связей с Афганистаном: прямой коридор слишком труднодоступен. Сегодня большая часть китайских товаров, поступающих на север Афганистана, идет через Таджикистан. Новая транзитная роль республики позволяет привлекать все больше инвестиций для строительства инфраструктурных объектов, главным образом автомобильных и железных дорог¹⁸.

В 2012 г. ВБ проводил независимую экспертизу Рогунской ГЭС - главного «камня преткновения» в таджикско-узбекских отношениях. Экспертиза ВБ осталась одним из немногих доступных форматов неполитизированной оценки перспективности и безопасности рогунского проекта, без которого примирить враждующие стороны представляется невозможным¹⁹. Так, 6-7 ноября 2012 г. в Алма-Ате прошла встреча представителей ВБ с представителями правительств Афганистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении. Представители Узбекистана приняли участие только во втором дне встречи, на уровне гражданских организаций и муниципальных властей. В сентябре 2013 г. вышла первая часть докладов ВБ²⁰ - по сути своей, они ни строительство не рекомендовали, ни запрет на него не обосновали. Принятие комплекса стабилизационных мер по обеспечению безопасности почв и укреплению заграждений позволит продолжить строительство в безопасном режиме²¹. Таким образом, дискуссия остается открытой.

Весной 2012 г. стало известно о переговорах Ирана с Таджикистаном о возможности импорта

1 млрд куб. м воды в год. Наличие общего языка, простая и понятная программа сотрудничества (вода в обмен на энергоресурсы и инфраструктуру) создают благоприятные условия для полноценного участия Ирана в центральноазиатской игре. Помимо политических аспектов, Ирану требуются значительные объемы пресной воды для развития ядерной энергетики уже сегодня, а возможности диверсификации источников воды для него сильно ограничены, по сравнению с возможностями Китая и России диверсифицировать торговлю топливом²².

Что касается России, то в течение постсоветского периода взаимодействие со всеми пятью республиками ЦА строилось преимущественно в двустороннем формате, несмотря на совместную работу в международных организациях. Так, в рамках поездки в Центральную Азию В.В.Путин 20 сентября 2012 г. подписал шесть соглашений с Киргизией о сотрудничестве в сфере гидроэнергетики и объявил о намерении России выстроить новый водно-энергетический баланс в Центральной Азии²³. РФ активно импортирует дешевую гидроэнергию из Киргизии и Таджикистана для внутреннего потребления. Особенность ГЭС Камбары-1, планы строительства которой готовились еще в Советском Союзе, - её верхнее расположение в каскаде действующих ГЭС на территории Киргизии. Таким образом, появится техническая возможность сливать воду в зимний период для выработки электричества и задерживать её в водохранилищах, расположенных ниже по течению - Шамалды-Сайском, Учкурганском и Токтогульском. Благодаря этому государства, расположенные внизу по течению, не будут страдать от зимних паводков, и появится возможность регулировать весенний сток в период ирригации. Для России реализация этого проекта может носить также имиджевый характер, поскольку затянувшийся на десятилетия проект строительства Рогунской ГЭС с участием российского РУСАЛа создает нега-

тивный образ российских подрядчиков за рубежом. В августе 2013 г. в ходе визита президента Таджикистана в Москву была также подтверждена заинтересованность республики в строительстве четырех ГЭС средней мощности при участии России - данные проекты значительно уступают Рогунскому по размерам и не сопряжены с международными скандалами.

Очевидно, что активная экспансия в Центральную Азию не может быть безоблачной ни для одного из внешних игроков. Россия сталкивается с проблемой ограниченности ресурсов - и финансовых, и людских. К тому же очевидно, что страны региона не стремятся полностью переориентировать свою политику на Россию, прекрасно понимая выгоды сотрудничества сразу с несколькими партнерами, а китайские инвестиции и дешевые кредиты этому только способствуют.

Что касается Ирана, то очевидно, что серьезнейшее международное давление в связи с реализацией его ядерной программы (и политическое, и экономическое) связывает ему руки при попытках активно выстраивать новые стратегические связи с Центральной Азией.

* * *

В проблеме выстраивания водно-энергетического баланса в Центральной Азии происходит изменение статус-кво. Активно включились третьи игроки, у каждого из которых в отношениях с пятью республиками нет взаимоисключающих стратегий. По крайней мере, на данном этапе Россия и Китай явно не будут идти на конфронтацию ради освоения ресурсов Центральной Азии. Более того, учитывая понятное стремление центрально-азиатских республик к многовекторной политике, вероятно, что проекты в регионе будут реализовываться по взаимодополняющему признаку: условную ГЭС строит Россия, условную железную дорогу - Китай.

С точки зрения управления международными водотоками, обсуждение транспортировки крупных объемов пресной воды из одной страны (слабой, неразвитой) в другую - важный прецедент. При реализации подобного проекта связь Ирана с Таджикистаном выйдет на качественно иной уровень, и запуск такого водотока потребует обеспечения его безопасности, что неминуемо усилит военное присутствие Ирана в регионе. В принципе, учиты-

вая его статус постоянного наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества, подобный сценарий не выглядит нереалистичным.

У казавшейся тупиковой проблемы Рогунской ГЭС также намечаются изменения: ни Узбекистан, ни Туркмения при выстраивании своей международной позиции не смогут не принять во внимание независимую экспертизу ВБ. И при удовлетворительных результатах мониторинга можно ожидать, что Рогунская ГЭС все-таки будет построена.

Дальнейшие направления исследования связаны с более глубоким изучением роли стран, не являющихся географическими соседями, - США и Европейского Союза. В перспективе в регионе будет расти влияние индийской экономики, ряд экспертов уже называют Центральную Азию тестовой площадкой для глобального соперничества Индии и Китая²⁴. Также очевидно, что по мере приближения 2014 г. все громче будет звучать афганская проблема - и как вызов, и как создающая новые обстоятельства для всей Центральной Азии.

¹ Peyrouse S. Battle on Top of the World: rising tensions in Tajikistan's Pamir region. August 2012. On Wider Europe series. Washington, DC.

² Peyrouse S., Ibraimov S. Iran's Central Asia Temptations // Current trends in Islamist ideology. Vol. 10, August 2010.

³ Zeitoun M., Mirumachi N. Transboundary water interaction I: Reconsidering conflict and cooperation, International Environmental Agreements (2008) 8:297-316. Springer, 2008.

⁴ Kindleberger C.P. Dominance and leadership in the International economy - Exploitation, Public-goods and Free-ride // International Studies Quarterly, 25 (2), 1981, p. 242-254.

⁵ Gilpin R. War and change in the World politics. Cambridge University Press, 1981.

⁶ Zeitoun M., Allan T. Applying hegemony and power theory to transboundary water analysis // Water policy, 10 (S2), p. 3-12 (2008).

⁷ ЕАБР. Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор. 2008.

⁸ Presentation Water Energy Nexus in Central Asia by Sergei Shatalov, Country Manager for Kazakhstan and Department for Sustainable Development World Bank. 2008 SPECA Economic Forum Moscow, 20 October 2008.

⁹ http://enrin.grida.no/htmls/tadjik/vitalgraphics/eng/html/text_u3.htm

¹⁰ The new great game in Central Asia. Asia Center. European council on foreign relations, September 2011.

¹¹ Swanström N. China's Role in Central Asia: Soft and Hard Power // Global Dialogue. Vol. 9, № 1-2, Winter/Spring 2007.

¹² <http://kazakhstan.nlembassy.org/services/economy-and-trade/economic-and-commercial-section/economy-of-kazakhstan-general-information.html>

¹³ <http://invest.gov.kz/?option=content§ion=4&itemid=75>

¹⁴ Peyrouse S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // China and Eurasia Forum Quarterly. Vol. 5, № 2 (2007), p. 131-148.

¹⁵ Safarov S. On a state visit of Emomali Rakhmonov to China // Evraziiskii dom. April 25, 2007.

¹⁶ Курбонова З.М. Таджикистан - Китай: становление государственной границы // Азия и Африка сегодня. М., 2009, № 4.

¹⁷ Peyrouse S. Tajikistan's new trade. Cross-Border commerce and the China-Afghanistan link // PONARS Eurasia policy Memo No. 169, September 2011.

¹⁸ Vinson M. Road Projects in Tajikistan Impact Its Strategic Geography // Eurasia Daily Monitor. Vol. 9, Issue 202. November 5, 2012.

¹⁹ www.worldbank.org/eca/rogun

²⁰ <http://www.worldbank.org/en/events/2013/09/30/Fourth-Information-Sharing-Meeting-on-the-Assessment-Studies-of-the-Proposed-Rogun-Hydropower-Project-HPP>

²¹ http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=41519&tx_ttnews%5BbackPid%5D=685&no_cache=1#.UnoWONc-18G

²² Iran may import 1bn cubic meters of potable water from Tajikistan. 27 May 2012 - <http://tehrantimes.com/economy-and-business/98283-iran-may-import-1bn-cubic-meters-of-potable-water-from-tajikistan>; Узбекистан прекращает поставки газа в Таджикистан; Душанбе договаривается с Ираном о будущих поставках газа и воды - <http://www.fergananews.com/news.php?id=18380> 26.03.2012

²³ <http://www.kremlin.ru/news/16509>

²⁴ Kavalski E. India and Central Asia: The Mythmaking and International Relations of a Rising Power. I.B.Tauris, 2010; Laruelle M., Huchet J.F., Peyrouse S. China and India in Central Asia: a New «Great Game». Palgrave Macmillan, 2010.